

Д. В. Фролов

О ранних стихах
Осипа Мандельштама

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
Москва 2009

ББК 81.031
Ф 91

Фролов Д. В.

О ранних стихах Осипа Мандельштама. —
М.: Языки славянских культур, 2009. — 312 с.

ISBN 978-5-9551-0345-7

Книга посвящена ранним стихам Осипа Мандельштама, включая первое и второе издания «Камня». Большое внимание уделено проблеме датировки стихов, метрике поэта, композиции первой книги, дается анализ отдельных произведений.

ББК 81.031

ISBN 978-5-9551-0345-7

© Фролов Д. В., 2009
© Языки славянских культур, 2009

Тане и детям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга написана профессиональным филологом, но не специалистом по истории русской поэзии. Решение выйти за рамки своих специальных интересов, которыми являются арабистика, исламоведение и — отчасти — иудаика, созрело у автора постепенно.

До 1973 г. я имел довольно слабое представление о творчестве О. Мандельштама. Какие-то стихи иногда попадались, я их переписывал и перечитывал, но их было слишком мало. Когда же мне в руки попал сборник, выпущенный Библиотекой поэта, передо мной распахнулся удивительный мир — мир поэзии Мандельштама. Как-то сразу стало понятно, что Мандельштам — «мой» поэт. С тех пор, на протяжении уже более тридцати лет его стихи рядом со мной.

Поэзия Мандельштама — загадочна и удивительна. Человека, привыкшего анализировать самые разные тексты, этот интеллектуальный вызов не может не увлечь. Не избежал этого соблазна и я. Постепенно в моем архиве накапливались очерки, которые я читал друзьям и коллегам, не более того. Я никогда бы не решился начать публиковать их, если бы не счастливая случайность, имевшая для меня, как и для многих, огромное значение — встреча с Михаилом Леоновичем Гаспаровым. В 1992 году он выступал оппонентом на защите моей докторской диссертации по арабскому стихосложению. Мы познакомились, разговорились, и Михаил Леонович выказал интерес к моим занятиям стихами Мандельштама. Обстоятельные, неспешные беседы помогли мне определиться с направлением моих интересов. Благодаря доброжелательной критике и дружеской поддержке М. Л. Гаспарова, что-то стало получаться, и в 1996 году он опубликовал мою первую статью о Ман-

дельштаме¹. Михаил Леонович и дальше следил за продвижением работы над ранними стихами, одобряя выбранные мной направление и подход. Некоторые из глав данной книги были прочитаны им в черновике, другие – нет, но собрать все в книжку при его жизни я не успел. Когда Михаила Леоновича не стало, у меня осталось чувство неотданного долга моему учителю, каким был для меня академик Гаспаров. Эта книжка и является выполнением обещания в меру моих скромных сил и возможностей, данью памяти замечательного человека и ученого, чье имя для меня всегда будет стоять рядом с именем Мандельштама.

С самого начала меня более всего интересовала ранняя поэзия Мандельштама со времени первых «тенишевских» стихов вплоть до выхода второго издания «Камня» (1916), в значительной части «забытая» самим автором, лишь сравнительно недавно обнаруженная и напечатанная и еще не оцененная в полной мере исследователями и читателями. Даже А. Ахматова, написавшая о Мандельштаме удивительные слова: «У Мандельштама нет учителей... Я не знаю в мировой поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама...»², так оценила «стихотворения в письмах» (1909–1910 гг.): «Недавно найдены письма Осипа Эмильевича к Вячеславу Иванову (1909)... Там же множество стихов. Они хороши, но в них нет того, что мы называем Мандельштамом»³.

Проблематика книги складывалась постепенно, по мере того, как накапливался материал.

Я начал с самых ранних, «тенишевских» и парижских стихов, и оказалось, что они являются органической частью поэтического наследия Мандельштама, а многие принципы его поэтики, в частности в том, что касается работы с подтекстами, которые встраиваются в смысловую и образную ткань произведения, актуальны уже в них. Им и посвящена моя первая статья, которая упомянута выше.

Двигаясь дальше, я заинтересовался проблемой стихов 1908 года, года, сначала забытого, а потом «реабилитированного» по-

¹ Заметки о ранних стихах Мандельштама (1906–1908) // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1996, № 4, с. 42–52.

² А. Ахматова. Листки из дневника. СС-3, т. 1, с. 26.

³ Цит. соч., с. 10–11.

этом. Оказалось, что далеко не просто определить круг текстов, которые относятся ко времени после возвращения Мандельштама из Парижа и до знакомства его с Вяч. Ивановым весной 1909 года. Авторские датировки иногда отсутствуют, иногда восстановлены по памяти много лет спустя. Попытки разобраться в хронологии ранних стихов Мандельштама привели к неожиданному для меня результату. Постепенно стало ясно, что хронология, как и другие аспекты стихов, является у него элементом художественной формы, участвуя в композиционном построении его первой книги стихов. Доказательству этого посвящена статья «Стихи 1908 года в “Камне” (1916)»⁴.

Следующим шагом стал разбор уже собственно композиции первых двух изданий «Камня», и здесь меня тоже подстергали неожиданности, когда, например, я сравнил состав ранних «до-каменных» публикаций стихов Мандельштама и состав «Камня» 1913 года, в частности относительно места и роли первой публикации в «Аполлоне» 1910 года как композиционного зачина первой книги. Или когда я сравнил зачины двух изданий «Камня» и обнаружилось, что в обоих изданиях структурно воспроизводится — в смысловом и тематическом отношении — один и тот же зачин, но воплощенный в разном стиховом материале.

Будучи по одной из областей своих интересов стиховедом, правда, не русистом, а арабистом, я давно заинтересовался стихом Мандельштама. Собственно метрика Мандельштама — это первое, что привлекло мое внимание в его стихах, когда мне в руки попал сборник 1973 года. Я тогда начинал писать книгу об арабском стихосложении и считал размеры любых стихов, на любом языке, которые читал. Постепенно эти подсчеты по Мандельштаму стали складываться в таблицы и списки, которые я включил в книгу в качестве приложений, в надежде на то, что данные, собранные и систематизированные в них, могут пригодиться тем, кто занимается поэзией Мандельштама. Из анализа этих статистических данных выросла небольшая глава о стихе Мандельштама, которая для ме-

⁴ См.: Четвертый выпуск Записок Мандельштамовского общества «Сохрани мою речь». М., 2008, ч. 2, с. 463—486. Для меня очень важно, что этот текст, который Михаил Леонович читал, неоднократно обсуждал со мною и, в конце концов, одобрил, вышел в сборнике, который посвящен его памяти.

ня есть лишь начало работы над темой и поиск пути, по которому может идти дальнейшее исследование этой темы после фундаментальных работ К. Ф. Тарановского и М. Л. Гаспарова. Кроме того, отдельные заметки о стихе Мандельштама разбросаны почти по всем главам книги.

В книгу включено также несколько экскурсов, посвященных разбору отдельных стихотворений Мандельштама: «В просторах сумеречной залы...», «Шарманка», «Я не слышал рассказов Оссиана...». В последнем случае, как и во многих других местах книги, я очень обязан О. Ронену, замечания которого об этом стихотворении стали для меня толчком и ключом к его анализу.

Из сплетения и переплетения этих основных задач, равно как и побочных сюжетов, возник рассказ о ранней поэзии Мандельштама, который мы предлагаем вниманию читателя. Подход автора к разбору стихов Мандельштама и используемый понятийный аппарат видоизменялся и эволюционировал на протяжении более чем двух десятилетий, когда, иногда с большими перерывами, писались тексты, составившие эту книгу, и добиться полной унификации невозможно. Однако при всех модификациях сам подход оставался тем же, что и обуславливает единство книги. Насколько удалась книга, судить не мне. Не написать ее я не мог. Дело сделано, и я с робостью и волнением отдаю ее на суд читателей.

Я глубоко признателен А. Б. Ковельману, А. Б. Куделину и М. С. Мейеру, которые прочли эту книгу в рукописи и сделали ценные замечания, которые помогли мне в работе над окончательным вариантом текста. Я благодарен П. М. Нерлеру, который оказал мне значительную помощь библиографического характера и любезно предоставил мне свои неопубликованные материалы для Мандельштамовской энциклопедии. Я благодарен всем коллегам, помощь и поддержка которых была для меня очень важна в процессе работы над книгой.

Предмет любви всегда является предметом бессознательного анализа, и только в этом смысле нижеследующее, возможно, имеет право на существование...

Иосиф Бродский

Глава 1

Когда стихи еще не пришли...

В литературе о Мандельштаме уже отмечалось, что повествование в «Шуме времени», если не считать «крымских глав», оканчивается как раз тогда, когда к автору впервые пришли его собственные стихи. Эти стихи, написанные в конце 1906 года и увидевшие свет в начале 1907 в рукописном журнале «Пробужденная мысль», выпускавшемся в стенах Тенишевского училища, были обнаружены недавно. Однако уже сейчас можно утверждать, что именно 1906 год нужно считать началом творчества Мандельштама.

О причинах, которые заставили поэта «забыть» самые ранние стихи и начинать отсчет своей творческой биографии с более позднего времени⁵, нужно говорить отдельно. Мы же взглянем на «Шум времени» как на дневник формирования будущего поэта, посмотрев на это произведение с той именно точки, в которую ставит нас сам автор, который в самой книге четко определяет свою позицию:

⁵ В символистский период, начиная с первой публикации в журнале «Аполлон» (1910, № 9), и даже далее, вплоть до первого издания «Камня» (1913), Мандельштам публиковал стихи, которые были написаны не ранее 1909 года, представляя время после знакомства с Вяч. Ивановым и его лекций на «башне» по стихосложению. Позднее поэт сдвинул начало своего творчества на год назад, то есть в досимволистское время, зафиксировав 1908 год как начальную точку в композиции второго издания «Камня» (1916), но более ранние стихи он никогда не вспоминал и не публиковал.

Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова⁶.

Попробуем прочертить хотя бы пунктиром раннюю литературную «биографию» Мандельштама, уловить тот «шум», в котором еще не прозвучал его собственный, осторожный и глухой, «звук». В воспоминаниях Мандельштама достаточно строго выдержана хронологическая перспектива, которая вообще была для поэта чрезвычайно важным композиционным принципом. То, что упомянуто раньше, то — как правило — и было раньше. Это позволяет нам просто следовать за автором в его рассказе.

I

В начале жизни ребенок не стоит перед проблемой сознательного выбора, он принимает то, что дано ему с рождения. Так было и с Мандельштамом. Эту мысль он выражает в несколько парадоксальной форме, подводя авансом, уже в первой главе, итог своим «дошкольным» годам:

Мне сдается, взрослые читали то же самое, что и я ... Интересы наши вообще были одинаковы, и я семи-восемью лет шел в уровень с веком⁷.

Итак, первый круг чтения Мандельштама — «главным образом приложения, необъятная, расплодившаяся тогда литература приложений к “Ниве” и проч... бережно переплетаемые, [они] проламывали этажерки и ломберные столики, составляя надолго фундаментальный фонд мещанских библиотек». Как пишет сам автор, «эти “Всемирные панорамы” и “Нови” были настоящим источником познания мира»⁸, од-

⁶ См. СС-2, т. 2, с. 41.

⁷ Цит. соч., с. 7.

⁸ Там же.

нако собственно литературных интересов в увлечениях мальчика еще не заметно. В основном это было даже еще не чтение, а рассматривание картинок.

Примерно к тому же времени относится и воспринятое на слух представление о Франции и французской литературе, источником которого были французские бонны. Как пишет автор воспоминаний: «Эти бедные девушки были проникнуты культом великих людей: Гюго, Ламартина, Наполеона и Мольера»⁹. Отметим, что в этом ряду все, кроме Наполеона, — писатели. Отметим также, что, помимо Наполеона Бонапарта, более никто из этого списка в ранних стихах Мандельштама (до 1916 года) не упоминается¹⁰.

Эти воспоминания, относящиеся, вероятно, к первой половине девяностых годов, отражают только предысторию пробуждения интереса собственно к литературе.

II

Начало формирования своего литературного самосознания Мандельштам отразил в главе «Книжный шкаф». Хорошо известны и неоднократно цитировались его слова, которые мы тоже считаем уместным привести здесь:

⁹ Цит. соч., с. 12.

¹⁰ В стихах этого времени Наполеон Бонапарт прямо упоминается один раз и еще один раз поэт отсылает к нему намеком, не называя по имени. Оба контекста относятся к стихам времени Первой мировой войны и имеют чисто политический характер. В стихотворении «Европа» (1914) из второго издания «Камня» говорится:

Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта.

В незаконченном, по-видимому, стихотворении «Какая вещь Кассандра» (1915), опубликованном уже после смерти поэта, упоминается «Рукопожатье роковое // На шатком Неманском плоту...». Имеется в виду встреча Александра I и Наполеона 25 июня 1807 г., которая закончилась мирным соглашением, см. комментарий в: Камень-90, с. 330.